

наши дни современную молодежь волнуют все те же «вечные» вопросы: тяготы материально-бытового обеспечения, доступность для всех (а не только для «избранных!») высшего образования, возможность свободного выбора профессии – вроде бы и обеспеченная конституцией, но на деле трудно исполнимая... Продолжает оставаться актуальной и острой проблема репетиторства. И в наши дни существует известная ограниченность доступа в «престижные» вузы. Со страниц нашей современной периодики звучит все тот же вопрос: а смогут ли новые Михайлы Ломоносовы прийти из российской глубинки в столичные вузы? Одним словом, монография А.Е. Иванова актуальна и злободневна в самом лучшем значении этого слова. Это добротной сделанная и свежая по постановке вопросов книга.

Одна из задач рецензии – не только поведать читателю о том, каких побед и результатов достиг автор в своем исследовании, но и указать на те недостатки и недочеты, которых он не избежал. В фундаментальном труде А.Е. Иванова студенчество выглядит как единый монолит, а на самом деле оно было достаточно разнообразным и разнохарактерным. Прежде всего, существовало студенчество столичное и провинциальное. У них имелось, конечно, много общего, но было и достаточно своеобразного, специфического. Студенты-сибиряки, например, имели иные запросы и вкусы, чем петербуржцы или москвичи. Четче следовало бы выделить и специфику студентов военных и военно-морских академий или, например, студентов духовных учебных заведений. Надо ли доказывать, что формирование контингента этих высших учебных заведений, жизнь и быт их были зачастую иными, чем у гражданских студентов. Нельзя сказать, что автор совсем не учитывает указанного своеобразия, но, к сожалению, делает он это не всегда и не везде последовательно. Возможно даже, что характеристике этих не совсем типичных студенческих групп следовало бы посвятить и особое исследование.

Жаль, что книга лишена иллюстраций, характеризующих бытовую сторону жизни студенчества, – это значительно повысило бы эмоциональность изложения и дало бы более полное представление о студенческом быте.

В целом же этнографов можно поздравить: они получили в свое распоряжение честно и талантливо написанную книгу, которая во многом дополняет наши знания и сведения о жизни и быте необыкновенно интересной прослойки русского общества конца XIX – начала XX в.

Л.Н. Пушкарев

© 2001 г., ЭО, № 3

Р.Х. Керейтов. Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь, 1999. 175 с.

В силу целого ряда исторических причин развитие российского тюркологического кавказоведения всегда запаздывало по сравнению с иными направлениями (изучение собственно кавказских или индоевропейских, ираноязычных народов). На Северном Кавказе это отразилось прежде всего на исследовании ногайцев – некогда крупного широко расселенного в евразийских степях народа, численность которого в Российской Федерации ныне не достигает и 75 тыс. чел. Волею судеб ногайцы оказались народом не «титულным», не имеющим «своих» государственно-административных рамок: они разделены между Карачаево-Черкесской, Чеченской, Дагестанской республиками и Ставропольским краем.

Пожалуй, только во второй половине XX в., и более всего в завершающем его десятилетии, крепнет тенденция разностороннего изучения истории и культуры ногайцев Северного Кавказа в обширном и многомерном контексте их длительного родства, соседства и партнерства с народами Юго-Восточной Европы и Центральной Азии.

Выход в свет (под грифом Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований) монографии известного специалиста по ногайской этнографии Р.Х. Керейтова – закономерный и важный шаг в преодолении сложившейся ситуации. Нам представляется, что, будучи ограниченной решением конкретных исследовательских задач, книга Р.Х. Керейтова в известной мере может служить образцом мобилизации и использования (близкого к исчерпывающему) огромного круга соответствующей отечественной, а отчасти и зарубежной историографии в границах от Дуная до восточноазиатских степей, привлечения и глубоко

высокопрофессионального анализа своеобразных и малоизученных источников по этнографии ногайцев. Автор делает это с присущей ему объективностью, внимательно учитывая и бережно сопоставляя накопившиеся разноречивые научные толкования и мнения, высказанные предшественниками.

В рецензируемой работе Р.Х. Керейтов рассматривает этническую историю ногайцев, их родоплеменной состав; подробно, обстоятельно исследует вопросы и актуальные проблемы этногенетических связей ногайцев с татарами, узбеками, уйгурами, кипчаками, казахами, киргизами, башкирами и т.д. Особое внимание обращено на многовековое пребывание ногайцев в окружении северокавказских народов. Как справедливо отмечает научный редактор книги Я.С. Смирнова, «исследований, посвященных этнической истории, в частности этнической истории народов Кавказа и прилегающих регионов, все еще недостаточно. Ногайцы с их древней, богатой и сложной этнической историей не являются здесь исключением».

Известно, что в XIV в. существовало государство ногайцев – Ногайская Орда, которая вышла из состава Золотой Орды. Кочевья ногайцев тогда простирались от Иртыша до Дуная, включая и территорию Предкавказья. В 30-е годы XVII в. ногайцы вынуждены были сконцентрироваться к западу от Волги, а затем продвинуться на Терек, Кубань, в Крым, Буджак. В конце XVIII–XIX в. значительная, большая часть ногайцев переселилась в Турцию. Р.Х. Керейтов реконструирует все эти многоплановые события, для того чтобы охарактеризовать историческую географию ногайцев. Он показывает, что современные ногайцы различают друг друга по принадлежности к определенным группам и по традиции называются кубанскими, кумскими, бештовскими, крымскими, волжскими, дагестанскими ногайцами и т.д. Территориальная разобщенность привела к возникновению некоторых различий в их языке и культуре.

Заслуга автора – в подробном описании прежнего и современного состава ногайцев, показе географической среды мест расселения ногайских родоплеменных образований в хронологическом и геохронологическом плане.

Этническая история ногайцев и их непосредственных предков как органическая часть тюркоязычного мира неразрывно связана с их соседями, с которыми на протяжении веков они имели длительные и тесные контакты. Р.Х. Керейтов выделяет следующие этапы формирования ногайского народа: 1) с IV до X в., когда древнетюркские племена мигрировали из одних регионов в другие. Истоки этногенеза ногайцев связываются с тюркскими племенами VI–VIII вв.; 2) средневековыми компонентами выступают племена Печенежского (IX–XI вв.) и Кипчакского (XI–XIII вв.) союзов, а также Золотой (XIII–XV вв.) и Ногайской (XIV–XVII вв.) орд. Р.Х. Керейтов постоянно и доказательно акцентирует, что самым главным и наиболее существенным стало участие в формировании этнического состава ногайского народа кипчаков (кипчаки, половцы), и в этом состоит, пожалуй, наиболее значимая позиция его исследования.

Подчеркивая, что до татаро-монгольской экспансии степное пространство от Иртыша до Дуная входило в зону Кыпчакской степи, автор развивает, уводя из области догадок и гипотез, генеральную для себя идею, что уже в улусе Ногай рядом с новыми пришельцами из глубин Азии и вперемешку с ними жили другие многочисленные племена и роды тюркоязычных степняков – прямых потомков «европейских» кипчаков конца раннего средневековья. В этой связи Р.Х. Керейтов придает большое значение тому, что ногайский язык относится к кипчакской группе тюркских языков, внутри которой он (вместе с каракалпакским и казахским языками) образует кыпчакско-ногайскую подгруппу. Автор подробно анализирует этнонимы *канглы, уйсун, найман, керейты, мангут, уйгур, кумык, кыргыз, болгар, абезеки* и многие другие. Он делает вывод о том, что происходили сложные этнические процессы, в результате которых и складывался собственно ногайский народ, носитель присущих именно ему социально-этнических и культурных черт.

Р.Х. Керейтов рассматривает некоторые причины миграций и интеграции племен и родов, выделяя главным образом территориальный, религиозный и другие факторы.

Особый, отнюдь не прикладной интерес представляет исследование автором тамг. «Тамга» – тавро, т.е. клеймо, которое ставилось на коней, рога животных, надмогильные памятники, оружие, деревья и другие различные предметы, и служило знаком собственности. Родоплеменные тамги, предназначенные для определенной общины, были издавна известны почти всем скотоводам, в том числе предкам ногайцев. Автор приводит множество примеров из исторических источников о тамгах ногайцев, сопоставляя их графические изображения в обширных, scrupulously составленных таблицах, и доказывает генетические связи некоторых сарматских тамг с ногайско-центральноазиатскими, а также с руническими знаками письменности. Р.Х. Керейтов наглядно демонстрирует, что в целом ногайские тамги – это «свод знаков письма и других изображений разных эпох жизни народов, свидетели не только хозяйственной деятельности, но и духовной культуры, частица складывавшейся на протяжении тысячелетий общей культуры человечества». Таким образом, Восточно- и Западнотюркский каганаты и другие крупные объединения, включающие в себя

многочисленные роды и племена, которые определили появление устойчивых этнонимов и специфических форм тагг, передали их своим наследникам.

Представленные лингвистические и изобразительные материалы, изученные и собранные автором, ждут дальнейшего углубленного сопоставления с историческими, археологическими, антропологическими и другими источниками. Необходим комплексный анализ данных не только филологов, но и специалистов в области всех исторических дисциплин, касающихся прежде всего ранней истории ногайцев. Этногенетические связи – это не просто взаимовлияние в языке и материальной культуре, они подразумевают также смешение и ассимиляцию. В этой связи требуют детального учета все факты проявления влияния на ногайцев нетюркских родов, племен и народов (например, в XVII–XIX вв.). Этногенетические связи ногайцев с другими народами наиболее полно прослеживаются со времени распространения этнонима «ногайцы», т.е. с тех пор, когда они обрели, наконец, свое историческое лицо. Изучение этнических корней ногайцев, на что и нацелена работа Р.Х. Керейтова, – все еще не решенная современной исторической наукой проблема. И если ареал этногенеза ногайцев включает не только территорию Азии, но и Северного Кавказа, а период формирования ногайского этноса относится, скорее всего, к XIII–XVII вв., продолжаясь вплоть до XIX в., то для золотоордынской эпохи речь может идти об этногенетических связях различных тюркских и нетюркских племен.

Особо подчеркнем не только научный, но и просветительский и воспитательный потенциал, содержащийся в монографии Р.Х. Керейтова. Современные ногайцы (особенно учащаяся молодежь) получили своего рода справочник, позволяющий ориентироваться в том, как происходил процесс всестороннего изучения этого народа сообществом специалистов многонациональной России, воспитавшей первые поколения собственно ногайских ученых. Трогательно выглядит высказанная в книге благодарность автора «ныне живущим и уже покойным» информаторам – «старикам, понявшим меня и оказавшим помощь». Первые среди них – отец и мать Р.Х. Керейтова, памяти которых он и посвятил свой труд.

Разумеется, работа не лишена частных упущений и недостатков. В их числе – недостаточное внимание к соотносительности средневекового тюркского мира кочевников с предшествующим ираноязычным (скифо-сарматским). Учитывая неоднократное упоминание на страницах книги гунов, несколько странным представляется ограничение нижнего рубежа авторских изысканий VI в. н.э. Вряд ли корректно использование терминов и понятий «колониальная политика России», «Республика Чечня-Ичкерия» и т.п. Если принять во внимание многочисленные случаи слияния внутри формирующегося ногайского этноса родов, племен и групп разных «тюркских корней», непонятно, почему автор считает «примером трагической судьбы ногайского народа» (с. 86) то, что какая-то часть его «растворилась» в среде казахов Младшего жуза. Однако указанные недочеты не могут изменить общей высокой оценки работы.

Монография Р.Х. Керейтова – весомый вклад в ногаеведение и в историческую науку в целом. Она еще раз указывает на значимость комплексного изучения прошлого любого народа. Неоценимы добытые автором турецкие материалы, его скрупулезные полевые сборы, четко мотивированные выводы. Значимость рецензируемого труда и в том, что этническая история ногайцев отражена в нем с позиции этнографа и филолога, использующего различные методы исследования для показа ногайцев в глубокой ретроспективе.

С.И. Алиева, В.Б. Виноградов

© 2001 г., ЭО, № 3

М.Ф. Куряева. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск, 1999. 278 с.

Начавшийся в конце 80-х годов XX в. процесс возрождения казачества во многом способствовал изучению этого феномена. На многочисленных конференциях, посвященных казачеству (например, Нальчик-1990, Краснодар-1992, Кизляр-1993, Новочеркасск-1994, Ростов-на-Дону-1995, Армавир-1996, Санкт-Петербург-1999 и др.), выступали историки, социологи, экономисты, культурологи. И хотя в литературе последних лет казаки понимаются как субэтнос, однако этнографы не нашли им места в своих классификациях.